

## К УСЛОВИЯМ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

А.Е. Бочкарев

Понимание языковых выражений не ограничивается словарным значением, а предполагает еще и обращение к энциклопедическим знаниям. Так задаются основные установки интерпретации: расширение корпуса, обращение к прагматическому контексту, поиск кодов.

Ключевые слова: интерпретация, значение, контекст, знание, интертекст, код.

Без обращения к знанию не обходится ни одно исследование значения.

Понимание языковых выражений не ограничивается знанием языка, а предполагает еще и обращение к сопутствующим системам знания. В этой связи не могут не возникнуть вопросы: что учитывать в толковании знания, какому знанию отдавать предпочтение, требуется ли выстраивать в толковании какую-то иерархию знаний. «Чтобы определить, например, англ. *horse* «лошадь», надо ли знать, – вопрошает Дж. МакКоли, – что лошади используются в качестве вьючных животных с древних времен» [1]. «Чтобы определить рус. *мышь*, надо ли уточнять, – добавляет Ю.Д. Апресян, – какие у мыши глаза, зубы или уши» [2]. От ответа на такие, казалось бы, простые вопросы зависит решение издавна обсуждаемой в семантике проблемы: где проходит демаркационная линия между словарем и энциклопедией, лингвистическим и нелингвистическим знанием, языковым значением и энциклопедической информацией о свойствах обозначаемых словами вещей?

В большинстве своем лексикографы убеждены, что лексическое значение не укладывается в рамки специально-научного знания и что отражать в системе словарных толкований следует преимущественно наивную картину мира. «Ибо если лексикограф не желает, – как замечает Ю.Д. Апресян, – превратиться в энциклопедиста, ему надобно придерживаться общепринятых представлений, а в языковом значении отражать исключительно только «наивное понятие о вещи» [3].

Все лексикографы сходятся, действительно, во мнении, что словарь – это не энциклопедия и что языковая информация о значении слов не должна подменяться энциклопедической информацией о свойствах обозначаемых словами вещей. Причем по-

нять, где проходит разделительная линия между словарем и энциклопедией, не составляет, похоже, особого труда. Чтобы определить, например, англ. *horse* «лошадь», совсем не обязательно знать, по Дж. МакКоли, что лошади используются в качестве вьючных животных с древних времен; главное знать, чем *лошадь* отличается от *коровы* или *собаки* [1, с. 184].

Различительные признаки суть, безусловно, необходимые, но не единственно возможные компоненты значения. Каким бы удобным ни казался постулируемый в «минимальном толковании» дифференциальный принцип, толкование нельзя ограничивать таксономией. В противном случае оно низойдет до регистрации исключительно только таксономических свойств – весьма существенных, согласимся, для разумения, чем являются «на самом деле» вещи, но недостаточных для понимания того, какими они видятся в языке человеку. В реальном употреблении, во всяком случае, помимо общеизвестных таксономических свойств, англ. *horse* «лошадь» определяется еще и по некоторым сопутствующим, но оттого не менее значимым коннотативным признакам, например, /выносливый/, /безотказный/, /трудолюбивый/ (в выражении вида *work like a horse* «работать как лошадь») или /грубый/ (в выражении вида *a horse-laugh* «лошадиный смех»). Жертвовать такими признаками значит обеднять структуру значения.

Без обращения к энциклопедическим знаниям нельзя обойтись, даже сообразуясь со структуралистским принципом имманентности, и в толковании высказываний и текстов: «...во всяком тексте, во всяком высказывании имеется добрая доля имплицитного – в том смысле, что здесь нет всего того, что требуется для понимания» [4]. Например, без необходимого минимума этнографических

знаний анализ мифа, каким бы блестящим он ни был, пустое времяпрепровождение. Так, чтобы понять смысл притчи Иисуса о горчичном зерне (Мф. 13, 31–32), надо знать, что это растение может достигать трех метров в высоту. «Не мешает к тому же знать, — добавляет Ф. Растье, — что горчице прежде приписывали целебные свойства, а горчичные зерна сжигали на свадебных обрядах, чтобы отпугивать злых духов» [5]. Аналогичным образом, чтобы понять, почему Иисус сравнивает Петра с камнем: *ты — камень* (Мф. 14, 25–31; 16, 18), не мешает знать, что имя апостола совпадает по звучанию с лат. *petra* «камень».

Заключенные в тексте знания предстают как «библиотека» (У. Эко), как «археология знаний» (М. Фуко), как «память культуры» (Ю.М. Лотман). Разумеется, построить модель интерпретирующей компетенции в виде «глобальной энциклопедии» невозможно, зато можно попытаться понять, полагает У. Эко, на каких фоновых знаниях основывается всякий раз понимание [6] и, что важнее, как вообще структурируются знания в интерпретации. В пределе тут возможны два крайних случая: либо представить знания по типу иерархически упорядоченной структуры вроде дерева Порфирия, либо структурировать их по типу бриколажа в виде какого-то мозаичного образования [7] или ризомы-корневища со сложным переплетением спутанных нитей [8]. В первом случае интерпретация ограничивается одним единственным смыслом, во втором — дробится на множество разных, нередко взаимоисключающих толкований.

Не вдаваясь в рассуждения насколько оправданы такие построения, заметим пока, что в интерпретации участвуют как внутритекстовые, так и затекстовые интерпретанты и что отбор интерпретантов согласуется необходимым образом с основными установками интерпретации — расширением корпуса, обращением к прагматическому контексту, поиском кодов [4, с. 271–272].

Обратимся непосредственно к этим установкам.

*Расширение корпуса.* Во внутритекстовом анализе исследовательский материал ограничивается рамками внутренней структуры, а в качестве интерпретантов привлекаются отдельные фрагменты того же текста.

Текст функционирует в таком случае как активный контекст. В синтаксическом отношении этот контекст локализован, поскольку синтаксические отношения не выходят обычно за рамки сверхфразового единства, а в семантическом — задается всем текстом и даже другими текстами, поскольку отношения между семемами устанавливаются в любой точке текста и даже за его пределами. Так, задаются несколько зон интерпретации: ближний контекст, дальний контекст и интертекст.

В качестве иллюстрации возьмем, например, эпизод с бумажным змеем из географической карты с приложенным к Мысу Доброй Надежды мочальным хвостом в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка». В первом приближении значение входящих сюда лексических единиц исчерпывается словарной дефиницией. Из отмечаемых словарем толкований в ближайшем контексте отбирается значение, которое согласуется семантически с другими компонентами высказывания: в контексте «бумажный», «мочальный хвост» и «географическая карта» *змея* означает не что иное, как «приспособление из листа бумаги... которое запускают на нитке в воздух» (С.И. Ожегов). Дальний контекст вносит, однако, свои коррективы. Детская шалость, напомним, оборачивается дальней дорогой, так что *бумажный змей* переосмысливается на фоне последующих событий не иначе как символический аналог судьбы в отношении к выпавшим на долю Гриневы испытаниям: *заснеженной степи, буре, Пугачеву...* По меткому замечанию А. Синявского, «руль поставлен и направлен: мыс Доброй Надежды <...> играет у Пушкина роль подсобной аллегии», предвосхищающей превращение заснеженной степи в «бурное море», кибитки — в «корабль» [9], а самого Гринева — в «человека судьбы». Причем такой поворот толкования становится, заметим, возможным лишь на фоне интертекстуальных связей со сходными текстами данной «смысловой сферы» (М.М. Бахтин), образующими в терминах Московской семиотической школы «основной текст» судьбы.

Корпус расширяется, таким образом, вплоть до включения сюда разнородных семиотических произведений, а возникающие в ходе интерпретации межтекстовые связи выводят смысл анализируемого произведения

за рамки имманентной структуры в широкий социально-культурный контекст – интертекст. Причем особую остроту интертекстуальные связи приобретают, очевидно, в тех случаях, когда межтекстовые переключки и совпадения объясняются более глубокими причинами, чем случайные реминисценции, цитирование или подражание – не влиянием одного текста на другой текст, одного автора на другого автора, а наличием некоторой «сверх-традиции». Исследователя интересует в таком случае не то, что в тексте одного автора обнаруживаются «сходные» элементы с текстами другого автора – допустим,  $x_1, x_2, x_3, x_n$ ; объектом изучения становится скорее  $X$ , реконструируемый на основании  $x_1, x_2, x_3, x_n$  [10]. С межтекстовых связей (и авторов в их предполагаемых взаимоотношениях) внимание переключается, таким образом, на структуру «текстового бытия» – некий  $X$ -текст, полученный путем сближения текстов единой смысловой сферы: «архитекст», «основной текст» или «основной миф». Не будучи сугубо личным,  $X$ -текст обобщает эмпирически данные произведения на следующем по отношению к ним уровне. Причем обобщение такого рода имеет тем большее основание, что отражает помимо индивидуальных интенций общую концептуальную схему. Так строится, в частности, праславянский миф Громовержца, Петербургский текст, Лизин текст, Московский текст, Блоковский текст и др. в исследованиях Московской семиотической школы.

*Обращение к прагматическому контексту.* Расширение корпуса смыкается во многом с обращением к широкому прагматическому контексту. Подобные знания раздвигают границы текста вплоть до включения сюда разносторонней информации, в т. ч. сведений об авторе, жанре, исторической эпохе, условиях создания произведения, современной его рецепции и т. д. Востребованным в интерпретации становится, разумеется, не весь фонд знаний, накопленных филологией, историографией или литературной критикой, а разве только такие знания, без которых нельзя обойтись в понимании. Например, современному читателю невдомек, почему в романе Пушкина «Евгений Онегин» сосед Ленского по деревне сравнивается с римским поэтом и как надо понимать словосочетание «сажать капусту» в выражении

вида: «*Капусту садит, как Гораций*» (гл. 6, VII). В.В. Набоков поясняет: «На самом деле это распространенный галлицизм *planter des (ses) choux*, означающий “жить в деревне”» [11].

Аналогичным образом, чтобы понять, почему Зарецкий характеризуется как «отец семейства холостой» (гл. 6, VII) и как вообще нейтрализовать противоречие, нелишне знать, как воспринималась такая характеристика современниками. С точки зрения формальной логики это противоречивая дефиниция: по определению отец семейства не может быть холостым, холостой – отцом семейства. Чтобы снять противоречие, необходимо нейтрализовать один из контрарных признаков: /холостой/ или /женатый/. В этом случае одно из определений будет восприниматься в прямом, другое – в переносном смысле: ‘холостой’ (формально), ‘отец семейства’ (фактически). Но, чтобы быть уверенным в правильности перифразировки, без реконструкции культурно-исторической ситуации – того, что иногда называют «правильным историческим горизонтом» (Х.Г. Гадамер), – не обойтись. Ю.М. Лотман поясняет: «Несмотря на иронический характер, это выражение являлось почти термином для обозначения владельца крепостного гарема и могло употребляться в нейтральном контексте» [12]. И современники Пушкина не видели, значит, противоречия; и не было никаких сложностей для понимания: коль скоро помещик владеет крепостными, то вправе ими распоряжаться, оставаясь при этом «честным и хорошим человеком», по своему усмотрению – вплоть до создания гарема из крепостных девок.

С привлечением необходимых знаний, как и с отказом от ненужных, встает, безусловно, вопрос об определении условий их применения. Поскольку задача интерпретации состоит не в изложении всевозможных толкований, а в уточнении условий их формирования, обращение к внешним факторам не только возможно, но оправдано и даже необходимо при условии, если эти факторы позволяют лучше понять смысл разбираемого текста и, следовательно, выступают в функции затекстовых интерпретантов. Иначе говоря, релевантной может оказаться любая информация, лишь бы она способствовала выводу смысла, а интеграция этой информа-

ции уточняла инструкции интерпретации, на основе которой актуализируются те или иные семантические компоненты.

*Поиск кодов.* По определению всякий текст подразумевает взаимодействие разнотипных систематик. Во-первых, потому что естественные языки суть полисемиотические образования, и смысл текста передается разными *семиотическими* типами языковых знаков. Во-вторых, потому что в семиозисе участвует не только язык, но и другие систематики: вторичные моделирующие системы в терминах тартуско-московской семиотической школы, социальные нормы в терминах интерпретирующей семантики. Например, чтобы понять, что означает фр. *joue* «щека» в романе М. Пруста «В поисках утраченного времени», Ж.-П. Ришар апеллирует, причем нередко безо всякой лексикализации, к психоаналитическому символическому «словарию», разрешающему представить означенную часть лица в качестве субститута всякого округлого предмета в либидинальной функции [13].

Действительно, текст – не просто сообщение: чтобы его понять, одним языковым кодированием и/или декодированием не обойтись. Но признание многократной кодировки не должно уводить в сторону от действительного смысла. В противном случае толкование обернется искажением смысловой структуры, *reading – misreading* [14]. Характерным тому примером является навязывание тексту несвойственных для него видов кодирования. Так, обратившись к сонету Малларме «*Prose pour des Esseintes*», Ю. Кристева, например, произвольно перифразирует начальное слово *Hyperbole* «гипербола» как «*I-père-bol*» [15]. Анализируемое выражение разбивается на слоги, которые затем соотносятся по звуковой аналогии с символически значимыми в психоанализе понятиями. Если *père* «отец» ассоциируется с непрекаемым авторитетом «Сверх-Я», выражением которого считается родительская власть, то *bol* «чашка» – с просторечным фразеологическим оборотом *en avoir ras le bol* «сыт по горло», имплицитно указывающим на восстание против авторитетной власти в рамках так называемого комплекса Эдипа. Причем внутреннее напряжение конфликтной ситуации аргументируется, как ни

странно, особым мускульным напряжением реализации гласной фонемы /i/.

В такой интерпретации можно только усомниться, ибо содержание «на выходе» утрачивает всякую связь с содержанием «на входе». Смысл просто предваряет анализ, а антиципация смысла задается исходной установкой интерпретатора. Более адекватным представляется по контрасту разбор поэтической строки Аполлинера в изложении Ф. Растье. Когда в одном из любовных посланий поэт пишет, что дым его трубки *se love en belle anglaise*, имеются все основания для идентификации 'love' *любовь* в контексте «*anglaise*» *англичанка*. Тем более что упоминаемая в аполлинеровском тексте «двуязычная игра слов» основана на совпадении фр. *se love* «образует спираль» с англ. *love* «любовь» [4, с. 239-240].

В обоих случаях интерпретация представит в виде перифразировки; этим перифразировкам соответствуют два вида интерпретации: *внутритекстовая* и *затекстовая*. Внутритекстовая интерпретация ограничивается, а затекстовая выходит за рамки имманентной структуры текста. Руководствуясь исключительно семантическим критерием, нельзя определить (для этого требуется теория аксиологий), насколько ценным стиль является предлагаемое «прочтение». Единственное, что позволяет установить такой критерий, это характер и степень семантического преобразования: чем больше содержание «на выходе» отличается от содержания «на входе», тем значительнее преобразование и тем менее, стало быть, адекватна предлагаемая перифразировка.

Таким образом, приходим к принципиальным для интерпретации выводам.

1. Вывод смысла зависит от интерпретирующей компетенции: разные читатели приходят к разным результатам по причине различия энциклопедических знаний.

2. Поскольку в формировании смысла участвуют разные системы знания, идеальная модель интерпретации должна учитывать все или почти все виды знания, а каждому виду знания – отводить роль фильтра, отбирающего, пока не будут найдены оптимальные варианты, все возможные «прочтения».

3. Понять, какие знания являются действительно релевантными в толковании, позволяют эвристические процедуры использо-

вания знаний. Вместо слепого перебора всевозможных вариантов в толковании мобилизуются преимущественно такие знания, которые востребованы текущим контекстом и которые, в этом состоит элементарный принцип рациональности, позволяют построить из фактов того же порядка единую модель понимания.

4. В зависимости от знания, привлекаемого в качестве интерпретанты, интерпретация может быть внутри- или затекстовой. Внутритекстовая информация необходима, а затекстовая полезна в той мере, в какой позволяет прояснить смысл анализируемого произведения.

5. Выводимый в ходе интерпретации смысл зависит от стратегии, предопределяющей отбор интерпретант, а вместе с тем и выводимый на их основе смысл.

6. Фоновые знания не должны подменять смысл текста энциклопедическими сведениями о жизни автора, культурно-исторической ситуации и т. п., а такая информация – уводить в сторону от текста. Обращение к таким знаниям оправдано лишь в той мере, в какой они выступают в функции интерпретантов и позволяют тем самым лучше понять анализируемое произведение.

1. *МакКоли Дж.Д.* Логика и словарь // Новое в зарубежной лингвистике. Проблемы и методы лексикографии / общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М., 1983. Вып. XIV. С. 184-185.
2. *Апресян Ю.Д.* Основные принципы и понятия системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006. С. 75.

3. *Апресян Ю.Д.* Избр. тр.: в 2 т. М., 1995. Т. 1. С. 56.
4. *Растье Ф.* Интерпретирующая семантика. Н. Новгород, 2001. С. 270.
5. *Rastier F.* La sémantique des textes et l'approche interprétative // Champs du signe : Sémantique. Rhétorique. Poétique. Mirail, 1992. P. 183.
6. *Eco U.* Sémiotique et philosophie du langage. P., 1988. P. 110-113.
7. *Моль А.* Социодинамика культуры. М., 1973.
8. *Deleuze G., Guattari F.* Rhizome. P., 1976.
9. *Терц А.* Путешествие на Черную речку // Синтаксис. 1994. № 34. С. 3-51.
10. *Топоров В.Н., Цивьян Т.В.* Нервалианский слой у Ахматовой и Мандельштама (Об одном подтексте акмеизма) // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 270-281.
11. *Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 442.
12. *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1980. С. 289.
13. *Richard J.-P.* Proust et le monde sensible. P., 1974. P. 106-108.
14. *Eco U.* Les limites de l'interprétation. P., 1992. P. 39-40, 43-45.
15. *Kristeva J.* La révolution du langage poétique. P., 1974. P. 243.

Поступила в редакцию 14.03.2008 г.

Bochkarev A.E. On some conditions of interpretation. Understanding of linguistic items is stated also in terms of non-linguistic encyclopedic knowledge in which it occurred. Its origins lie in the view that semantic analysis is largely concerned with different kinds of codes, pragmatic context and extension of corpus.

Key words: interpretation, meaning, context, knowledge, intertext, code.